

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

26

МОСКВА
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

*Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского*

Том 26

Редакционный совет:

член-корр. РАН Р. М. Мунчаев (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р. *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *Яйленко В. П.*

МОСКВА, 2021

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
«Археологические культуры Евразийских степей и античный мир - контакты и взаимовлияния» (НИР АААА-А18-118011790093-2)

Редакционная коллегия

д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты

д. и. н. Е. М. Алексеева;
к. и. н. В. А. Гаилов

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН*

Д73 **Древности** Боспора. Том 26. – М., 2021. 488 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-339-8

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

Для археологов, историков, краеведов..

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-339-8
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2021
© Редакция, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бейлин Д. В., Рукавишников И. В., Волошинов А. А.</i> Археологические исследования в районе поселка «3-й Самострой» в г. Керчи	7
<i>Бургундер П.</i> «Потерянный» расписной склеп А. Б. Ашика. История изучения и архивные открытия	34
<i>Винокуров Н. И.</i> Доследование полуподвала в центральной части городища Артезиан	65
<i>Гаврилов А. В.</i> Новые находки амфор и амфорных клейм Гераклеи Понтийской в Юго-Восточном Крыму	97
<i>Ефремов Н. В., Колесников А. Б.</i> [Рец. на:] Матеевич Н., Самойлова Т. Л. Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк, 2017. – 234 с.	108
<i>Завойкин А. А.</i> Южная окраина Фанагории в IV – I вв. до н.э.: некоторые итоги и проблемы исследований	142
<i>Завойкина Н. В., Новичихин А. М.</i> Мраморные чаши с надписями из Горгиппии	166
<i>Зубарев В. Г.</i> О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище «Белинское» в Восточном Крыму	178
<i>Иваник А. О., Кононов В. Ю.</i> Раскопки кургана «Капканы Северный I» по ул. Гаспринского в г. Керчь	199
<i>Иванов А. А., Черненко В. Г.</i> Бронзовые перстни с изображениями из раскопок поселения «Усадьба “Виноградник”» в 2014 г.	214
<i>Каспаров А. К., Хрищановский В. А.</i> Фаунистические остатки диких животных из позднеантичного некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н.э.	225
<i>Клемешова М. Е.</i> Лепная керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н.э. (предварительные результаты изучения)	246
<i>Ковальчук А. В.</i> [Рец. на:] С. Ю. Сапрыкин. Боспорское черепичное клеймение // Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования (112). М. – СПб., 2020. – 320 с.	257

<i>Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.</i>	
Атрибуция и хронология эллинистических канфаров из меотских погребений	267
<i>Масленников А. А.</i>	
Амфоры с поселения Полянка	283
<i>Новичихин А. М.</i>	
Изображение боспорского воина на надгробии из станицы Благовещенской	294
<i>Савостина Е. А., Тихонова Т. С.</i>	
Мастерская короπλαста (из раскопок 2020 г.) в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгииппии	309
<i>Сапрыкин С. Ю.</i>	
Epigraphica regni Bosporani. Varia	332
<i>Супренков А. А., Топоривская М. А., Требухина Н. Ю., Фролов В. В.</i>	
Тиригакский вал в Восточном Крыму. Новые данные о хронологии	358
<i>Суриков И. Е.</i>	
Кто был погребен в Мелек-Чесменском кургане?	372
<i>Трейстер М. Ю.</i>	
Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления	381
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i>	
De titulis Bosporanis et viciniis	411
<i>Яйленко В. П.</i>	
Критика критики: о рецензиях на «Тысячелетний Боспорский рейх» и византийский раздел «Истории и эпиграфики Ольвии, Херсонеса и Боспора»	432
Сокращения	480
Правила и рекомендации по оформлению рукописей	484

П. Бургундер
(Университет Лозанны, Швейцария)

«Потерянный» расписной склеп А. Б. Ашика. История изучения и архивные открытия*

Памяти Николая Федоровича Федосеева (1961-2018)

Богатство и разнообразие живописной росписи, покрывающей стены и потолок склепа, состоящего из двух комнат, открытого А. Б. Ашиком, казалось, должны были бы обеспечить столь значимому погребальному памятнику, расположенному на северо-западном склоне горы Митридат в Керчи, должное внимание и условия для его сохранения. Однако из-за отсутствия активной административной поддержки штукатурка быстро разрушилась, а вход был вскоре засыпан и утерян: склеп, открытый в 1842 году Антоном Бальтазаровичем Ашиком, тогдашним директором Керченского музея, пополнил длинный список исчезнувших древних памятников, разделив судьбу других расписных склепов, открытых в первой половине XIX века¹.

Особая заслуга А. Б. Ашика состояла в том, что он, осознав важность своего открытия, незамедлительно приступил к копированию росписей. Таким образом, рисунки, сделанные за три дня при свете свечи – единственное, что сохранилось от этого склепа! За помощью Антон Ашик обратился к художнику музея Андрею Стефанскому. Совместно они выполнили копии, послужившие иллюстрациями к публикации на русском языке, которая появилась в Одессе в 1845 году под названием «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками».

Когда шестьдесят лет спустя Михаил Ростовцев принялся за написание труда, посвященного расписным греко-римским памятникам, открытым на юге России, в первую очередь ему пришлось осуществить трудоемкую исследовательскую работу в архивах [Ростовцев 1913–1914, 346–375]². Не умаляя ценности публикации, работа Ашика была

* Данная статья была опубликована в сборнике статей [Burgunder 2019]. Она была выполнена в рамках проекта «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии», финансируемого Национальным Швейцарским Фондом Научных Исследований (FNS). Благодарю Юлию Бургундер за перевод статьи с французского языка.

¹ Можно упомянуть склеп Пигмеев, открытый в 1832 году Дамианом Васильевичем Карейшей, а также склеп 1852 года, открытый Кириллом Родионовичем Бегичевым [Ростовцев 1913–1914, 137–149; 153–160].

² Расписной склеп, открытый Ашиком, занимает особое место в работе знаменитого ученого: описание публикации Ашика и его критическая оценка, занимающие более 30 страниц, свидетельствуют об особой ценности данного подземного захоронения.

им принята неоднозначно: интерпретация декоративной росписи казалась надуманной, а качество рисунков ставило под вопрос их верность оригиналу³. Поэтому Ростовцев пытался найти дополнительную информацию. Попытки оказались безрезультатными, так как ему не удалось обнаружить ни оригиналов рисунков, ни даже установить точной даты открытия склепа. Более того, он смог получить доступ к раскрашенным экземплярам лишь позже, что, видимо, стало причиной того, что в своем атласе он воспроизвел их в черно-белом варианте.

В дальнейшем эти репродукции распространялись в научной литературе исходя из исследуемой тематики: последовательность из рисунков, изображающих элевсинские мистерии, появляется регулярно [Guimier-Sorbets, Pelle, Seif el-Din 2015, 126, рис. 172], тогда как сцена зажжения канделябров затрагивается реже [Burgunder 2003]. Живописная сцена конного боя, украшающая погребальную лежанку, несомненно, является наиболее часто упоминаемым фигурным сюжетом благодаря своей исторической ценности в военной области [Нефёдкин 2004, 38; Горончаровский 2003, 76, 108; Виноградов, Горончаровский 2009, 212, рис. 107; Mielczarek 1993, 141, рис. 23; 1999, таб. XXV; Lebedynsky 2002, 165].

Спустя более ста лет после появления работы М. И. Ростовцева, цитируемой по сей день⁴, пришло время возвратиться к этому знаковому погребальному памятнику – может быть наиболее известному в Керчи наравне со знаменитым склепом Деметры – а также к его первой публикации. Актуализация наших знаний в области археологии, более широкий доступ к архивам, и в особенности неожиданное открытие цветных экземпляров *Керченских древностей* в музеях Санкт-Петербурга и Ярославля позволяют вновь обратиться к этому погребальному комплексу, вооружившись новым материалом. С уверенностью, разделяемой Ириной Владимировной Тункиной, в том, что документация, разработанная Ашиком и его современниками, достаточна для восстановления утраченных археологических памятников и обстоятельств их открытия [Тункина 2002, 271], мы предлагаем в данной публикации обозначить наиболее вероятный момент открытия склепа, а также уточнить его местонахождение, воспользовавшись топографической картой Керчи и её окрестностей 1835 г. Публикация 1845 года, посвященная погребальному склепу и его рисункам, кроме всего прочего, насыщена информацией как научного, так и личного характера, что может пригодиться при попытке восстановления контекста ее написания. Итак, мы приступаем к «расследованию», которое несомненно привлечёт большее внимание к Антону Ашику и как к автору публикации, так и к его заслугам как археолога.

Открытие склепа.

Ни точное местонахождение расписного склепа, ни дата его открытия не были зафиксированы надлежащим образом: упоминая то 1842 год во вступлении к своему труду (стр. III), то 1841 год в первой главе (глава 1, стр. 3), Антон Ашик и в переписке с различными ведомственными инстанциями не был более точен. Лишь сопоставление

³ Рецензия Б. фон Кёне, появившаяся в трех разных изданиях, отражает в подробном описании мнение ученого сообщества Санкт-Петербурга [Köhne 1845; Köhne 1849; Köhne 1847].

⁴ Напомним, что к столетию публикации труда Ростовцева был осуществлен его перевод на французский язык по инициативе Аликс Барбэ: [Barbet 2004].

архивного материала, «разбросанного» по разным учреждениям, позволяет предположить наиболее правдоподобную дату его открытия.

Архивный вклад.

В Институте истории материальной культуры, где хранится архив Императорской археологической комиссии, находится донесение, озаглавленное «Список с краткого известия об открытии древностей Директором Керченского музеума Ашиком». Данный документ содержит краткий отчет об открытии склепа в период с 29-го августа 1841 г. по 1 апреля 1842 г.⁵ Несомненно, речь идет об отрывке из цитируемого Ростовцевым «Отчета о разысканиях древностей, произведенных в Керчи с 1821 по 1841 годы», покрывающем более длительный период, в котором, однако, описываются почти идентичные обстоятельства, приведшие к открытию склепа [*Ростовцев 1913–1914, 346*].

Это донесение, хранящееся в Институте истории материальной культуры, видимо, было переведено на французский язык, так как Научный архив Государственного Эрмитажа, содержит парный документ с идентичным названием:

«Sur des fouilles, exécutés par M. Aschik du 29 Août 1841 jusqu'au 1 Avril 1842.

(...) После этой находки М. Ашик перенес свои работы от горы Митридат на расстоянии 1,5 версты от Керчи, и в этом месте он открыл 14 катакомб, которые уже были разграблены, однако в 15-ой он нашел две комнаты, чьи стены были покрыты фресками, представляющими интерес, наподобие тех, которые были открыты в Тарквинии⁶.»

Сведения из этой переписки с Санкт-Петербургом позволяют поместить момент открытия склепа в период первых двух месяцев 1842 года, как кратко упоминается в письме Флориану Жилло, датированном 3 марта 1842 года⁷. Другие отчеты, сегодня хранящиеся в Киеве, неоспоримо относят дату открытия расписного склепа к февралю, или даже к началу марта 1842 года: несколько писем из служебной переписки князя Михаила Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, восстанавливают информацию об административных хлопотах и напрасных попытках Ашика спасти расписной склеп от разрушения⁸. В ответ на первое донесение, информирующее об открытии склепа, Воронцов, обрадованный новостью, просит директора Керченского музея составить подробное описание склепа, а также произвести рисунки «в цвете идентичном оригиналу» для Одесского Общества Истории и Древностей. Генерал-губернатор предлагает в отдельном письме, предназначенном градоначальнику Керчи, отдать необходимые поручения для сохранения памятника. Однако отсутствие средств, согласованных для охраны места раскопок, вынудили Ашика напомнить керченскому градоначальнику князю Херхеулидзе-ву о его обязанностях, что он делает в письменном обращении от 18 марта:

⁵ РА ИИМК, Ф. 63, д. 5, ил. 129 (с обратной стороны) и 130; 1841 год отмечен простым карандашом после упоминания 29 августа. Этот отчет цитируется И. В. Тункиной [*Тункина 2002, 294*].

⁶ Отрывок из листка 14 (с обоих оборотов страницы), Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1837) озаглавленный «О раскопках Ашика в Керчи за 1837–1842». Несомненно, этот перевод был сделан Ф. Жилем для задумываемой им публикации.

⁷ АГЭ Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1841) – процитированный уже Ростовцевым [*Ростовцев 1913–1914, 346*]. Два сохранившихся письма, одно от 1-го января 1842 (№ 9), и другое от 3 марта 1842 г. (№ 14), свидетельствуют как о частоте переписки, так и о временном отрезке, в течение которого произошло открытие памятника.

⁸ Корреспонденция, хранящаяся в Институте рукописей в Национальной библиотеке Украины, Ф. V, лист 1220 и след. (1842). Мы хотели бы выразить благодарность Юлии Дудке и Александру Кузьмичеву за их помощь в предоставлении этих документов.

«Об открытой катакомбе с фресками я доводил до сведения Вашего Сиятельства словесно. Зная, что здесь ничто не может уцелеть от хищных поисков искателей золота, я держал там сторожа на мой счет в течение двух недель, пока сняты были с фресков рисунки. С тех пор катакомба была уже посещаемая разрушителями, и рисунки уже во многих местах повреждены. Сбереечь их я не имею никакой возможности; нужно иметь там постоянного сторожа или устроить двери с железными укреплениями. Если бы мы имели объездчиков, то они бы успели бы предупредить разрушения многих памятников древности, но директор Музеума без помощников и без средств ничего сделать не может»⁹.

Потеря склепа.

В последних строках I главы своего труда Ашик предсказывает скорое исчезновение фресок, вероятно, пытаясь снять с себя вину за полную потерю памятника к моменту публикации:

«На другой день после открытия оказалась на стенах большая сырость, краски начали бледнеть, штукатурка отставать от стен и падать при малейшем давлении» [Ашик 1845, 4].

Последующая судьба росписи и самого склепа очевидна для М. И. Ростовцева, который подробно описывает историю расписных склепов в Керчи. Поручение найти следы данного погребального памятника, выполненное по его просьбе Шкорпиллом, подтвердило предположение: склеп был полностью разрушен еще при жизни Ашика¹⁰. Новый рапорт, направленный градоначальнику Керчи в середине декабря 1845 года, не оставил сомнений по поводу судьбы, уготованной склепу 1842 года:

«В Катакомбы, высеченные в скале. На стенах одной из них были фрески, о которых я издаю особое сочинение; кроме этих фресок была также открыта гробница, на стенах которой был изображен эпизод из известной войны пигмеев с журавлями, но все это решительно истреблено, – теперь трудно было бы даже найти следы этих памятников»¹¹.

Исследованиям, проводившимся Шкорпиллом в одном из районов Керчи, ныне полностью застроенном, предшествовали, в несколько этапов, идентичные попытки, предпринятые сначала Александром Люценко, а затем Никодимом Кондаковым, оставшиеся безрезультатными. Преемник Антона Ашика на посту главы Керченского музея, Александр Люценко, если доверять информации, оставленной Владимиром Стасовым [ОИАК за 1872 г., 255, прим.3], искал расписной склеп во время своего пребывания в должности директора (формально он занимал эту должность с 1853 по 1878 год, однако покинул ее в 1869 по состоянию здоровья). «Отчеты за 1878 и 1879 годы» отсылают к зоне изысканий, протянувшейся среди курганных насыпей, «возле известковых печей Ростовского и ветряной мельницы», указанных Кондаковым [ОИАК за 1878 и 1879 г.,

⁹ Черновик письма, хранившийся в Керчи, пропал во время Второй мировой войны вместе с большей частью архива музея. Он был воспроизведен в копии В. В. Шкорпиллом для М. И. Ростовцева (и был восстановлен в его труде [Ростовцев 1913–1914, 347]).

¹⁰ [Ростовцев 1913–1914, 348]. Склеп до сих пор не найден, несмотря на проведение систематических поисков в 1906 году (в окрестностях склепа 1873 года, на улице Нагорная, и в зоне, тянущейся до татарского кладбища, где проходит дорога, ведущая в Феодосию, у подножия шести холмов), а также поисков в 1907 году [Виноградов, Медведева 2017, 15].

¹¹ Письмо от 16.12.1845, [Ростовцев 1913–1914, 347]. Нам не известно, сохранилось ли это письмо. Склеп Пигмеев (1832) представлен Ростовцевым в том же издании [Ростовцев 1913–1914, 137–149].

XVI]. Ученый, не останавливаясь на достигнутом, вслед за первой попыткой продолжает свое расследование в 1882 году, ободренный «указаниями старожила» [ОИАК за 1882 по 1888 г., IX и след.]. Однако его изыскания, которые без сомнений были проведены на северном склоне «Аллеи курганов» в месте первых курганных насыпей, не были завершены. В силу неминуемого расширения города расписной склеп был обречен на забвение. Предполагается, что он засыпан и более недоступен.

Месторасположение склепа.

Критика в адрес Антона Ашика вполне обоснованно касалась того, что директор керченского музея оставил полностью без внимания составление археологической карты, фиксирующей многочисленные раскопки и открытия, проводившиеся за многие годы исследований. Действительно, небрежность Ашика в этом вопросе сложно объяснить, тем более что многочисленные топографические карты города были доступны в течение всего XIX века – стратегическая и экономическая важность порта Керчи оправдывали богатство хранилища карт всего региона.

Лишь один труд Ашика, первый том «Воспорского царства», появившийся в Одессе в 1848 году, был снабжен несколькими картами: таблица IV, «схематический план акрополя Пантикапея и современного города Керчи», является единственным топографическим ориентиром, способным удовлетворить любопытство читателя (рис. 1). Если свериться со следами, оставленными укреплениями древнего городища, схематический план ничего не говорит о размещении погребальных памятников, открытых Ашиком¹². В нем нет ни одного упоминания расписного склепа, не имеется никакого признака, указывающего на его месторасположение, кроме как буквы «Е», помещенной в месте, откуда протянулась ведущая от города дорога, фиксирующая границы его окрестностей, что свидетельствует о безостановочном расширении Керчи в XIX веке.

Итак, чтобы заполнить данный пробел, мы обратились к топографическому плану города, составленному в 1835 году неким Литвиненко¹³. Несколько измерений этого топографа упоминаются в научной литературе, но в нашем исследовании мы примем за основу экземпляр, хранящийся в отделе картографических изданий Российской государственной библиотеки в Москве¹⁴. Использование данного документа имеет тройное значение: он восстанавливает топографию Керчи и ее ближайших окрестностей на дату немного более раннюю времени открытия склепа; она воспроизводит рельеф скалистой возвышенности и участок города с достаточной аккуратностью и точностью; и наконец, на нем изображены хорошо читаемые дорожная сеть и курганные насыпи, что представляет дополнительную ценность для нашего исследования.

¹² Критика Е. П. Шевелёва [Шевелёв 1848, 725–738] по поводу «плана Керчи», воспроизведенная в Таблице I первого тома издания «Воспорское Царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами» на самом деле затрагивает не топографический план, а гравюру, расцененную как неправдоподобная, и, видимо, взятую Ашиком из 2-го тома «Nouvelles annales des voyages, de géographie et de l'histoire» (Париж, 1819).

¹³ Мы благодарны Сергею Смекалову (Санкт-Петербург) и Арсению Михайлову (Керчь) за помощь в данных поисках. Речь идет о плане, входившем в папку с двенадцатью картами под названием «Топографический план города Керчи-Еникале с указанием деревень и прилежащих земель (...)». Осуществленный при помощи приборов в 1835 (...) топографом второго класса Литвиненко».

¹⁴ Мы благодарны за сотрудничество Л. Н. Зинчук, зав. отделом картографических изданий, и А. С. Митрофановой, отвечающей за онлайн ресурсы в Российской государственной библиотеке в Москве.

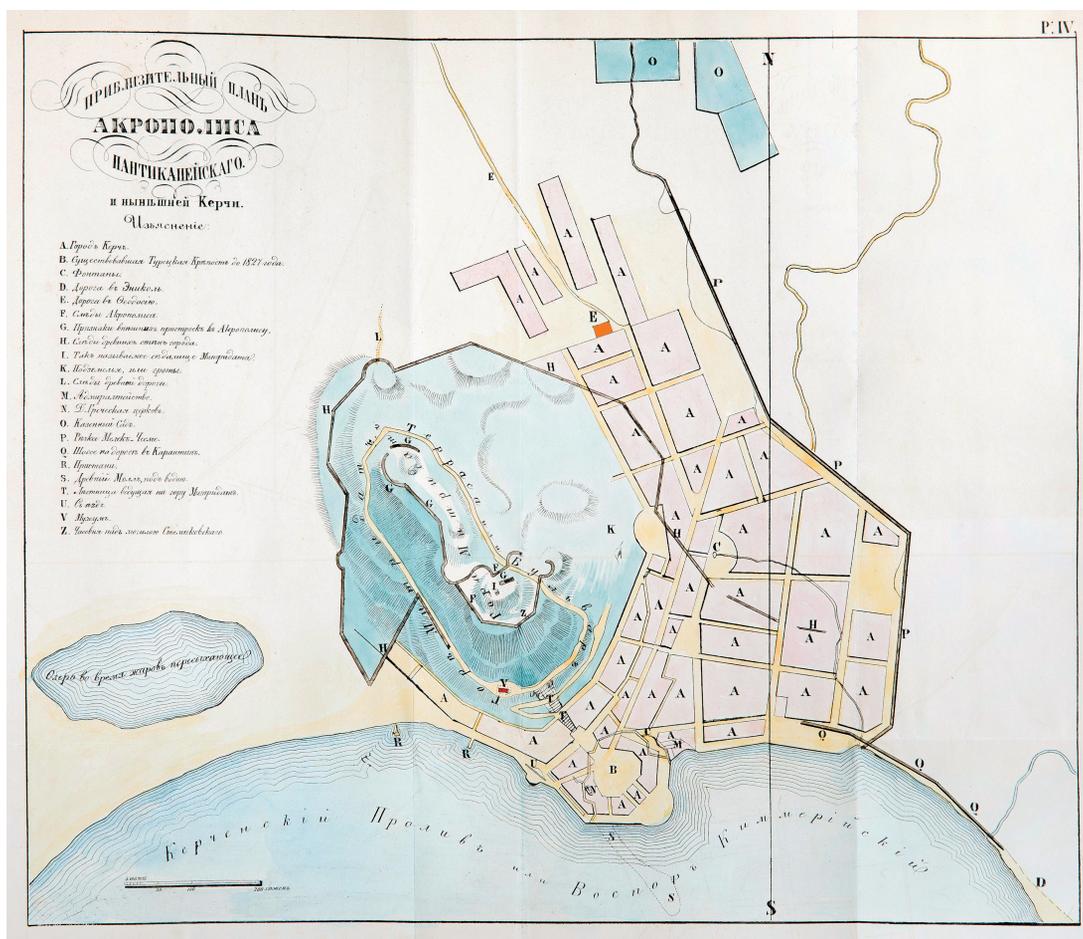

Рис. 1. Карта Керчи и акрополя Пантикапея [по Ашик А. Б. 1848, ч. 1, табл. IV].
Буква «Е» соответствует «шлагбауму». Компьютерная графика Д. Глозер

В сочетании с информацией, почерпнутой из отчета Ашика, топографический план Литвиненко привносит новую информацию, с помощью которой мы можем указать месторасположение склепа, открытого Ашиком в 1842 году (рис. 2). Размещение расписного склепа кратко обозначено на «северной покатости горы Митридата», на расстоянии «1^{1/2} верст от города» и включает место, где находится «множество устроенных рядами пантикапейских катакомб»¹⁵ – эти элементы должны позволить ориентировочно указать ее возможное месторасположение.

На карте Литвиненко, на северном склоне горы Митридат – в широком понимании, по горной цепи, протянувшейся от Первого кресла Митридата в направлении Золотого кургана – указана большая частота погребальных холмов, возрастающая на высоте

¹⁵ См. лист 14 (с обеих сторон), Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1837) в архиве Эрмитажа, а также Ф. 63, д. 5, лист 129 (с обратной стороны) в Институте истории материальной культуры.

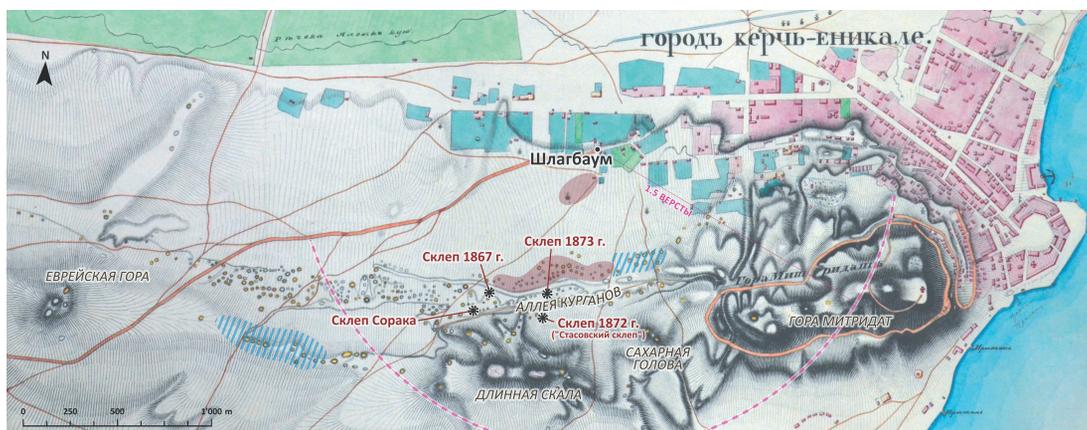

Рис. 2. Извлечение из «топографического плана Керчи-Еникале с указанием деревень и окрестностей». Выполнено топографом второго класса Литвиненко в 1835 г. Участки бежевым – разведки Н.П. Кондакова, синим – В.В. Шкорпила. Компьютерная графика А. Хирцель и Д. Глозер

скалистого выступа «Сахарной головы» (уже исследованные курганы иногда помечены желтым цветом). Мы отмечаем существование дороги, пересекающей этот некрополь с востока на запад, который М. И. Ростовцев обозначает термином «Аллея курганов»¹⁶. Часть некрополя, расположенная ниже соседней скалистой возвышенности, называемой «Длинная скала», насчитывает уже несколько рядов курганных насыпей, размещенных в основном у подножия и на северном склоне этой скалы; она уплотняется еще больше в своем западном расширении в направлении Золотого кургана.

Третий указатель, способный помочь локализовать склеп, открытый Ашиком, несмотря на свою точность, тем не менее, не самый достоверный. Насколько можно доверять дистанции «одной версты с половиной», отмерянной от Керчи? Из какого пункта начать расчёт? Карта, составленная Литвиненко, похоже, подтверждает указание Ашика, обозначенное в схематическом плане буквой «Е»: место входа и выхода из города четко обозначено шлагбаумом¹⁷. От небольшой площади, находящейся у этой точки, отправляется дорога на Феодосию, связывающая Керчь с остальной частью Крыма¹⁸. Таким образом, можно быть уверенными, что Ашик оценивает расстояние, отделяющее склеп от города, в точности от этого места. Но можно ли полагаться лишь на автора, нашедшего склеп, в точности оценки расстояния? Скорее всего, дистанция, указанная в отчете, была представлена «навскидку» («одна верста по дороге, полверсты поблизости») – гипотеза, которую мог бы подтвердить план местности, предоставленный М. И. Ростовцевым.

¹⁶ Аллея курганов упоминается в таблице I «Античной декоративной живописи на юге России». Сегодня забытое название «Аллея Курганов» в Керчи было, видимо, вдохновлено топографией погребальных памятников Фанагории; также оно появляется в издании А. А. Матвеева [Матвеев 1884, 39].

¹⁷ Ворота города в России XVIII и XIX вв., вход, прегражденный шлагбаумом, охранялся часовым.

¹⁸ На этом пути проходила также «почтовая дорога», как указывается на более поздних картах.

На плане северного склона горы Митридат, открывающем атлас таблиц «Античной декоративной живописи на юге России», М. И. Ростовцев помещает несколько расписных склепов, которые могли бы стилистически относиться к тому же времени, что и склеп, открытый Ашиком. Мы воспроизвели их примерное расположение на карте Литвиненко, чтобы обозначить географическую близость к интересующему нас погребальному памятнику, который, по всей вероятности, был затерян в 1842 году. Все обозначенные склепы были открыты в период между 1860 и 1890 годами, тогда же, когда профессором Юлианом Кулаковским был открыт расписной склеп Сорака. Этот склеп, докладывает Ростовцев, располагается у подножия «Длинной Скалы», над татарским поселением, в месте, которое «и теперь представляет пустырь» [Ростовцев 1913–1914, 244; Кулаковский 1896, 16–33]. Выходящий на ту же «Аллею курганов», но немного восточнее, Стасовский склеп, открытый в 1872 году, известен тем, что был найден «недалеко от вышеописанной гробницы Сорака» [Ростовцев 1913–1914, 293]. Местонахождение склепа 1873 года также известно и отмечено поблизости от склепа, описанного Стасовым. Это место «бывшее пустырем еще в 1891 г.», по опасениям Ростовцева, вскоре могло оказаться в частной собственности¹⁹. И если локализация склепа не точна на начало XX века, то нам известно по информации, почерпнутой из «Отчета за 1875 год», что склеп 1875 размещался среди курганных насыпей, которые возвышались у подножия «Сахарной головы», неподалеку от известковых печей [Ростовцев 1913–1914, 283].

Мы склоняемся, таким образом, обозначить месторасположение склепа 1842 год неподалеку от «Аллеи курганов», поблизости от вышеупомянутых склепов Сорака, Стасовского и склепа 1873 года, более широко, в периметре зоны, исследованной Кондаковым в 1882 году, в сторону запада, где в 1906 году проводил исследования В. В. Шкорпил.

Архитектура склепа.

В своем произведении Ашик не отказывает себе в том, чтобы подчеркнуть и преподнести в лучшем свете свою деятельность в качестве директора Керченского музея: с гордостью он описывает свой длительный опыт в проведении полевых работ, который ему позволил не только установить истинную морфологию исследованных им курганов, но и с точностью определить их местонахождение и место входа в склеп, благодаря оригинальному методу, действенность которого он проверил неоднократно. Начиная с 1834 года, пишет Ашик во вступлении своих «Керченских древностей», в то время как другие археологи оставляли это явление совсем без внимания, он первым обнаруживает влажное пятно, неизменно находящееся у подножия каждого кургана, у их северо-восточного склона, выдавая примерно в метре от поверхности присутствие пронизывающего скалу входного колодца (из ракушечного известняка, уточняет автор), позволяющего выйти к высеченному арочному входу в склеп.

В 1841 году, вероятнее всего осенью, Ашик вновь ведет свои изыскания в этой части курганного некрополя Пантикапея, протянувшейся к западу от «Сахарной головы», включая курганы, возвышающиеся в несколько рядов. Ашик открывает 14 «катакомб»,

¹⁹ Что приведет к его полному разрушению, уверяет М. И. Ростовцев в соответствующем разделе [Ростовцев 1913–1914, 227].

которые, однако, не были нетронутыми. Найденное им пятнадцатое подкурганное захоронение представляет наибольший интерес и по своему объему (в нем 2 комнаты), и по наличию великолепной росписи, украшающей стены и потолок.

Однако, как и общая геологическая картина, так и первенство открытия были поставлены под вопрос Юлианом Кулаковским, который в 1896 году в очерке «Две керченские катакомбы с фресками» поспешил внести исправления в рассуждения Ашика. Керченские «катакомбы» были высечены не в скале, а в стратиграфическом слое глинистой почвы, расположенном под пористым известняком, сквозь который и прорыт входной колодец. Что же касается славы первооткрывателя погребальных памятников такого типа, продолжает Кулаковский, то она принадлежит на самом деле Полю Дюбрюксу и Фредерику Дюбуа де Монпере [Кулаковский 1896, 1–3].

Терминология, использованная Ашиком, также оспаривается профессором Кулаковским, особенно в принятии термина «катакомбы» относительно Керчи. Специфика использования этого слова, обозначающая почти исключительно христианские подземные погребения в Риме, по мнению автора, запрещает *a priori* его использование в Керчи и требует некоторого объяснения, даже если введенный термин имеет традицию использования и укрепившийся статус в литературе. Таким образом, склеп, открытый в 1842 году, не является ни природной пещерой, как, казалось, подразумевал термин, выбранный Антоном Ашиком – «гробничные пещеры», ни «катакомбой», вырезанной в скале, а погребальным сооружением, устроенном в подземном рыхлом слое и выложенном камнем таким образом, чтобы была возможность нанесения штукатурки, расписных украшений и лепного декора, а также установления основной ниши, предназначенной для положения покойного, и дополнительных ниш.

Погребальная насыпь.

Таблица II в труде Ашика указывает на существование возвышения над склепом, интерпретированного как курган, что означает насыпь антропогенного происхождения, состоящую в основном из земли, и указывающую на захоронение. Ашик отмечает с большой точностью расстояние, отделяющее потолок могилы от вершины кургана, 3,86 метра, что указывает на относительно небольшой размер погребального памятника [Ашик 1845, 17]. Однако это впечатление может быть обманчиво: на самом деле велика вероятность, что сам курган был воздвигнут на скалистом выступе, или на его склоне, таким образом, зрительно приподнимая его [Жиль 1854, 86].

Возведение курганов на естественных возвышенностях не является чем-то удивительным, и не может быть *a priori* хронологической меткой: скалистый хребет Юз-Оба, протянувшийся на пятнадцать километров от Керчи, покрыт многочисленными курганами, самый древний из которых относится к V в. до нашей эры См. [Виноградов, Зинько, Смекалова 2010; Бутягин, Виноградов 2014]. Другие известные курганы, например Золотой курган и Куль-Оба, находятся на одиночных скалистых выступах по всей протяженности дороги, ведущей от Керчи в Феодосию [Гайдукевич 1981, 6–54; Виноградов 2010.1; Виноградов 2010]. Оба кургана относятся к периоду между второй половиной V – первой половиной IV столетия до н. э. включительно. Возобновление данной погребальной традиции в первых веках нашей эры может быть истолковано формой сознательной отсылки, начиная с момента восшествия на престол династии Тибериев

Юлиев²⁰, к признанной эпохе особого престижа и процветания в истории Боспорского царства.

Курганные насыпи часто включали в себя и другие захоронения, встраиваемые позднее, как следует из свидетельства Ашика, который вспоминает, как выкопал в 1835 году стеклянный сосуд, глиняные амфоры и светильники, а также боспорские монеты, чеканенные в конце III века, во времена правления Савромата IV [Ашик 1845, 2]²¹.

Вход в склеп.

Изыскания, завершившиеся в 1842 году открытием расписного склепа, описаны в труде Ашика в главе V (длиною в одну страницу): раскопки кургана были начаты «перпендикулярно его основанию», в месте, где просела почва, и где растительность была более густой. Такой подход оказался подходящим, так как скала, встреченная на глубине менее одного метра, была обработана вручную, и представляла плиту, загораживающую вход в склеп. Надежда открытия нетронутой могилы исчезла, когда плита была отодвинута и стало ясно, что склеп был ранее распечатан, из-за чего произошло осыпание почвы в помещении первой погребальной комнаты. Таблица I схематически восстанавливает колодец и вход в склеп: фасад склепа, похоже, был ровно высечен в скале, проем двери идеально окантован, и к погребальной комнате примыкал маленький входной коридор. Текст Ашика не предлагает дополнительных деталей, что вынуждает в нашем описании воспользоваться скромным графическим материалом, имеющимся в распоряжении.

Форма дверного проема в виде арки, обсуждается позднее при описании окружающих ее фресок [Ашик 1845.2, 20]: высота 1, 65 м., что примерно подтверждает масштаб, указанный в таблице III, видимо, часто использующийся в погребальных постройках древнеримского периода, вырезаемых в скалистом грунте, что можно заметить на примере других Пантикапейских склепов (таков склеп Алкимоса, сына Гегесиппа, склеп 1891 года, гробница Анфестерия, а также склеп, открытый Стасовым в 1872 году) или в Нимфее (ряд склепов К 4, 11, 12 и 13, датируемых Н.Л. Грач I–II вв. [Грач 1999]). Без сомнения, возведение ряда сводчатых арок являлось имитацией каменных погребальных построек с арочными сводами, чей вход имел идентичные архитектурные характеристики. Нам известны несколько таких сооружений в Римскую эпоху (кроме случаев вторичного использования более древних памятников). Таковым и является курганный склеп, открытый и опубликованный Антоном Ашиком, где вход в погребальную комнату имел арочный свод и был украшен пилястрами²².

Структура и убранство склепа.

План гробницы в продольном разрезе представляет склеп, состоящий из двух комнат, соединенных арочным проемом. Первая комната почти квадратная (4,26×4,81 м.), с высотой потолка, достигающей 1,90 м. Ашик указывает, что высота второй комнаты

²⁰ Царь Аспург (14 г. до н.э. – 37 г. н.э.) был первым правителем, получившим титул во времена правления императора Тиберия, и относившим себя напрямую к династии Юлиев-Клавдиев.

²¹ Также упоминается Савромат VII, чье царствование автор обсуждает в своем труде [Ашик 1848, 112], предшествующий или правящий совместно с Фофорсом. Этого Савромата называют сегодня Савромат IV, и его царствование с уверенностью можно подтвердить лишь 572 годом понтийской эры, что соответствует 275–276 гг. н.э.

²² Речь идет об известном «склепе Четырнадцати гробов», воздвигнутом в курганном некрополе на северо-востоке Пантикапея. Его датировка точна, благодаря найденному оттиску монеты на погребальном венке, приписываемой Антонину Пио. Ашик опубликовал план и найденную там вазу [Ашик 1848, 49, таб. VI].

была идентичной, а площадь меньшей (3,60×2,96 м.) [Ашик 1845.2, 17]. Во всю ширину первой комнаты установлена ниша-лежанка, без сомнения, из каменных плит, наподобие той, которую можно наблюдать в гробнице 1872, описанной Стасовым²³. Во второй комнате были вырублены две ниши в верхнем ярусе смежной стены [Ашик 1845.2, 34, таб. VIII].

Разнообразие внутреннего убранства затрудняет типологическую классификацию расписных склепов из «Аллеи Курганов», основываясь на расположении погребальных лож и ниш. Ростовцев посвятил краткое отступление этому вопросу при рассмотрении архитектурных характеристик гробницы 1872 года²⁴. Ниша задней стены предназначалась для трех погребальных лож (одно расположено вдоль стены в глубине, и два прижимают к боковым стенам), как и в склепе 1875. Скорее всего склеп 1842 года был также создан для трех захоронений: кроме погребальной ниши-лежанки в первой комнате, во второй погребальной комнате могли бы поместиться еще два саркофага, там, где в таблицах IX и X показана имитация *opus sectile*, расположенная горизонтально в среднем регистре боковой стены.

М.И. Ростовцев замечает особенность потолка склепа: ровного, с постоянной высотой, закругляющегося над погребальной лежанкой [Ростовцев 1913–1914, 349]. Именно в этом хорошо заметном на срезе месте закругления расположены расписные кассеты, установленные в два ряда, служащие переходом между расписной композицией над лежанкой и декором потолка. Повторение идентичных по содержанию, но отличающихся по форме кассет в декоре потолка первой комнаты в Таб. VII, кажется дублированием, которое на самом деле не имело места: всего насчитывается десять кассет [Ашик 1845.2, 19]²⁵. Расписной декор склепов 1872 года (Стасовского) и 1875 года дает ценный материал для сравнения. Потолок склепа 1872 года разделен на четыре сектора, три из которых, а именно тот, который находится над основной нишей-лежанкой и два, находящихся над погребальными лежанками по бокам, представляют собой то же разделение поверхности на кассеты, имитирующие мраморную облицовку [Ростовцев 1913–1914, 308, таб. LXXXII]. Плоский потолок коридора, ведущего к склепу 1875 года, также украшен расписными кассетами, имитирующими мрамор, тогда как верхняя часть стен обработана в технике *opus sectile* пестроцветного исполнения [Ростовцев 1913–1914, 285, таб. LXXV]. И наконец, арочный свод склепа, открытого на земле, принадлежащей нотариусу Фельдштейну (называемого «склеп Фельдштейна»), вне сомнений, также разделен на расписные кассеты, от которых сохранились только два фрагмента к тому времени, когда Ростовцев принимал участие в раскопках погребального памятника [Ростовцев 1913–1914, 265, таб. LXX, 1].

Стены обеих комнат склепа расписаны регулярно изображенными колоннами ионийского типа с гладкими столбами. В первой комнате их изображение отсутствует на двух стенах, а именно на той, где находится вход, а также на той, где располагается погребаль-

²³ Эти «лежанки», как их называет Ростовцев, установлены с двух сторон склепа и покрыты штукатуркой и росписью [Ростовцев 1913–1914, 295].

²⁴ Погребальные лежанки в склепе Стасова, которые Ростовцев определил как возможные прототипы поздней эллинистической эпохи, относятся самое позднее к середине II в. н. э. [Ростовцев 1913–1914, 296–298].

²⁵ В переводе издания А. Барбе приходит к выводу об удвоении декоративного мотива [Barbet 2004, 350].

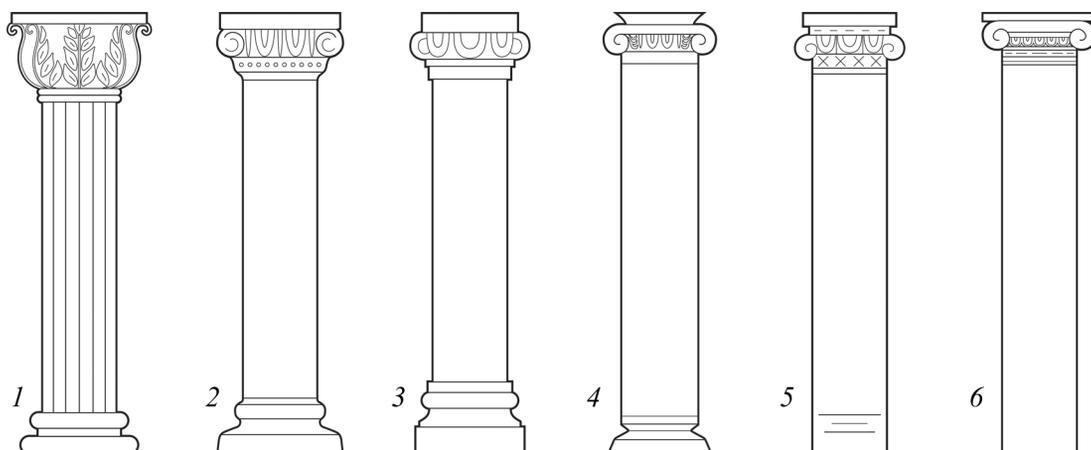

Рис. 3. Расписные колонны из погребальных памятников Керчи.
 1 – Керченский саркофаг; 2 – склеп 1872 г. (Стасовский); 3 – склеп 1875 г.,
 4 – склеп 1954 г.; 5 – склеп Геракла в Анапе; 6 – склеп 1842 г. (Ашик).
 Компьютерная графика Д. Глозер

ная лежанка. Во второй комнате на стороне входа насчитывается две колонны, доходящие до середины, где выдолблены две ниши в верхней части стены. Заметим, что на Таб. I в работе Ашика не обозначено присутствие обустройства ниш в толще стен, как и не описывается рельеф колонн. Нужно ли заключить из этого, что колоны были лишь нарисованы? Наличие скульптурного или лепного декора кажется маловероятным в контексте боспорских захоронений. Образцы «колоннад» погребального назначения, которыми мы располагаем, например, на Керченском саркофаге, в склепах 1872 г. (Стасовском), 1875 г., а также в склепе Геракла в Анапе (рис. 3), свидетельствуют в пользу применения исключительно расписных, а не пластичных элементов декора применимо к данному типу архитектурного разделения пространства²⁶. Тем не менее, исследования, проводимые на территории сельскохозяйственного поселения Генеральское Западное, расположенного в крымском Приазовье, позволили задокументировать склепы, в которых стены были украшены рельефными пилястрами. Подпорки высотой примерно 80 см. и шириной 40 см. разделяли ниши в виде *arcosolium*, образуя легкий выступ около 5 см²⁷.

Любопытно, что нарисованные колонны в склепе 1842 года, не имея базы, установлены на цоколь красного цвета высотой 26 см., который обрамляет нижнюю часть стен в обеих погребальных комнатах. Они поддерживают ионийский карниз особого типа, без архитрава и фриза. Ряды заостренных наконечников копий приподняты над четырьмя нарисованными фасциями и обозначают начало потолка, который как бы поддерживается карнизом. В другой комнате карниз представлен иначе, он дополнен рядом лежащих «S», и только одна фасция изображена под потолком.

²⁶ В тексте Ашика не упоминаются лепные украшения [Ашик 1845.2, 22].

²⁷ Масленников А. А. упоминает два разграбленных склепа с подобным убранством, постройка которых относится к последней трети III в. н. э. [Масленников 1997, 5].

Археологический материал.

Находки из склепа 1842 года описаны Ашиком в очень лаконичной манере, о чем сожалеет Ростовцев, сообщая об отсутствии какого-либо списка в отчете, отправленном в Санкт-Петербург. Нам известно, что в обеих комнатах были найдены керамические черепки и осколки стекла [Ашик 1845.2, 17; Ростовцев 1913–1914, 349]. Нет никаких упоминаний о нахождении скелетов или деревянных саркофагов. Внимание директора музея было в основном направлено на драгоценные предметы, которые он мог бы представить Императору: поэтому Ашик с сожалением сообщает о предшествующем разграблении склепа, в котором могли бы находиться, кроме настенной живописи, «значительные приобретения древностей».

Издание результатов.

В преддверии публикации обстоятельного иллюстрированного труда, посвященного расписному склепу, открытому в 1842 году, Ашик написал небольшую статью, кратко озаглавленную «Керченские катакомбы», появившуюся в Санкт-Петербурге в подписке Журнала Министерства внутренних дел за 1845 год [Ашик 1845.1]. Автор представляет себя в выгодном свете опытным полевиком, уверяя, что применил оригинальный метод для нахождения склепа под курганом. Открыв таким образом множество погребений, скрытых в землях Керчи, Ашик описывает их как настоящую сеть захоронений, наподобие «погребальных пещер», найденных ранее в Этрурии. Погребальные памятники юга России сравнимы с памятниками Италии – идея, которую предлагает текст, наполненный ссылками на этрусские *grotti*, открытые недалеко от Тарквинии²⁸.

Открытие склепа 1842 года вызвало, однако, недоверие ученых из Италии и Германии, которым Ашик показывал рисунки росписей во время своего путешествия по Западной Европе. Тем не менее, с тех пор к такому типу настенной живописи был прикреплен «Полугреческий, полуэтрусский» стиль, и палитру цветов, описанную в Керчи снова сопоставляли с росписями в склепах, открытых в Тарквинии, что должно было бы укрепить читателя из российской столицы в ощущении, что завоевания у Османской империи в конце XVIII века привели к обретению значимого культурного наследия, наравне с Италией и Грецией [Ашик 1845.1, 407].

Появление данного текста, представленного как отрывок труда, посвященного катакомбам Керчи, предвосхищало выход основного произведения Ашика, и имело целью возбудить любопытство и привлечь внимание к столь лестным выводам потенциальных читателей, интересующихся проводимыми в Керчи раскопками.

«Керченские древности. О расписной катакомбе из Пантикапея».

Несмотря на то, что написанный Ашиком труд посвящен Михаилу Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, получившему в 1845 году титул князя²⁹,

²⁸ В статье, озаглавленной «Открытие Этрусков в начале XIX столетия», Жак Эргон перечисляет неожиданные открытия, сделанные между 1827 и 1833, самых красивых расписных склепов Корнето Тарквинии, знаменитых *grotti*: «И совершенно точно, в течение не более шести лет откроется десяток самых красивых склепов. В 1827 году Морской склеп, склеп Надписей, склеп Барона, склеп Колесниц; в 1830 году склеп Триклиниума, в 1831 году склеп Querciola, в 1832 склеп Покойного и склеп Тифона; в 1833 склеп Юстиниана и склеп Черной свиньи». [Heurgon 1973, 595].

²⁹ Воронцову был пожалован титул князя после взятия аула Дарго, ставки военного предводителя Шамиля, в 1845 году.

его издание было выполнено за собственный счет автора. Согласованные вложения значительно превосходили финансовые средства в распоряжении директора Керенского музея, о чем свидетельствует регулярная переписка с Санкт-Петербургом. Так как средства, полученные по подписке, оказались недостаточными для выпуска печатных экземпляров, рентабельность предприятия была поставлена под вопрос³⁰.

Отсрочили ли эти неблагоприятные обстоятельства выпуск в печать труда Ашика? Ведь его труд не был распространен сразу после его появления в 1845 году³¹. Приписывать ли эту задержку обстоятельствам технического характера – относительно длительный срок между подачей рукописи и его публикацией – или наличию какой-то недоговоренности с типографией, мы лишь заметим, что первая рецензия к этому труду появилась из под пера Бернхарда фон Кёне в июне 1847 года, а корреспонденты Ашика упоминают его не ранее мая того же года³².

Структура произведения.

Труд длиной в 40 страниц разделен на семь глав; он представлен вступлением в 3 страницы, и в завершении имеет 4 страницы заключения, а также снабжен 12 черно-белыми таблицами, собранными в конце работы. М. И. Ростовцев впоследствии замечал, что большинство экземпляров, имеющих в продаже, не снабжены цветными иллюстрациями [Ростовцев 1913–1914, 349]³³.

Вступление. Ашик выбирает роль «антиквара», чье «мнение», хоть и не безупречно, основано, тем не менее, на критической точке зрения, принимающей во внимание как имеющиеся данные, так и современный сравнительный материал. Директор Керченского музея ссылается на работы и авторитет таких ученых как Иоган Винкельман, итальянских этрускологов Луиджи Ланци, Марио Гварначчи и Антона Ф. Гори, а также на эмблематичного графа Де Келюс, автора внушительного труда «Собрание египетских, этрусских, греческих и римских древностей», видимо, с целью придать налет эрудированности – что и станет причиной упреков в его адрес, в том числе от Ростовцева, который упоминает о «налете эрудированности» автора [Ростовцев 1913–1914, 7]³⁴.

Заключая в себе едва скрываемое обращение, предназначенное градоначальнику Керчи-Еникале, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, а также ученым кругам Санкт-Петербурга, выступающим в поддержку «исторического богатства», которое

³⁰ В работе не упоминается тираж выпуска, но вероятнее всего было отпечатано максимум 300 экземпляров, учитывая, что Б. Фон Кёне предложил автору выпустить отрывок на французском языке в количестве 150, или даже 200 экземпляров (письмо от 21. 05. 1849, сохранившееся в ИРЛИ, Ф. 615, ед. хр. 14, лист 5–6 (оборотная сторона)).

³¹ Печать рукописи была поручена типографии А. Брауна в Одессе. На обложке указан 1845 год. Печать трех томов, составляющих следующий труд Антона Ашика «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами», будет поручена типографии «Нейман и Ко» в Одессе.

³² См. рецензию Б. Фон Кёне [Кёне 1847, 26–31]. В письме, от 2 мая 1847 года (опубликованном в «Известиях Императорского Русского Археологического Общества», 8, вып. 5, 1877, столб. 555), Григорий Спасский благодарит Ашика за подаренный труд.

³³ «[...] во всяком случае, в ряде поступивших в продажу экземпляров (но далеко не во всех) таблицы раскрашены от руки».

³⁴ «Более поверхностны отчеты Ашика, в которых он старался блеснуть своею призрачною ученостью; их очень скрашивают иногда очень хорошие рисунки его помощника, «скульптора и рисовальщика при Керченском музее Древностей» Бегичева...».

таят в себе земли Крыма, Кавказа и провинций Новороссии, труд, посвященный «катакомбам» Керчи и склепу 1842 года, должен был показать и прославить древности, которыми изобилует Керчь и ее регион, поднять престиж Пантикапея и Фанагории, таким образом, предоставляя возможность соперничать с открытиями, сделанными в Италии. В ожидании по окончании раскопок крупных открытий, сравнимых с большими ансамблями древних развалин в Риме, Ашик предлагает изучить найденную «катакомбу с фресками».

Глава I «О древних языческих катакомбах вообще». Кроме нескольких незначительных изменений, опубликованный текст этой главы в точности воспроизводит статью, появившуюся ранее в Журнале Министерства внутренних дел. Ашик красочно представляет посещаемые им склепы, порою ступая на скользкую дорогу сенсаций, вроде упоминания «таинственного ужаса». Несомненно, этот опыт, окутанный неким мистицизмом, был уделом тех самых «антикваров», к которым себя причислял автор³⁵. И если он несправедливо выставляет себя первооткрывателем керченских катакомб, он, тем не менее, получает от начальства разрешение на консультирование с итальянскими и немецкими учеными и возможность показать им рисунки, воспроизводящие декоративную роспись склепа. Атрибуция живописного стиля как «греческого», и отнесение расписного памятника хронологически к «началу нашей эры», как и интерес к использованным в росписи цветам и верности их воспроизведения на выполненной копии рисунков, названной Ашиком *fac simile*, отражают озабоченность научного сообщества того времени к классификации.

Глава II «О римских христианских катакомбах». Безотносительно к керченскому склепу, в этой главе описано предпринятое Ашиком путешествие в Рим, представлены его общие впечатления от христианских катакомб и Колизея, пропитанные восхищением и почитанием путешественника с русского юга. Автор хочет показаться «знатоком» римских катакомб и их исследователей, таких как Дезирэ Рауль-Рошетт, чье произведение по этой теме он цитирует³⁶.

Глава III «Очерк живописи древних». Несмотря на претенциозный заголовок, в этой главе длиной в 2 страницы автор пытается вернуть славу древней декоративной живописи в ходе достаточно нескладного повествования. Античная декоративная живопись достигла совершенства сравнимого со скульптурой, что демонстрируют склеп Назонов в Риме и Дом фавна в Помпеях, раскопанных между 1830 и 1832 годами. Ашик затрагивает вразнобой расписные памятники, которые он, видимо, посещал, однако без разбора их места в истории искусства декоративной живописи. В заключении он обращается к отрывку из Плиния Старшего, для которого упадок этого вида искусства происходит во времена Августа. Керченские катакомбы, замечает автор, полностью вписываются в данный период, что подтверждается находками монет. Росписи склепа, открытого в 1842 году, датируются даже более точно эпохой Антонинов, когда настенная живопись уже переживает свой закат.

³⁵ Также чуть ниже на той же странице мы находим характерное для антикваров романтизированное ощущение «веяния крыльев бессмертного духа жизни».

³⁶ Несомненно, это «Таблица катакомб Рима», появившаяся в 1837 году в издательстве *Bibliothèque universelle de la jeunesse* в Париже [*Rochette* 1837].

Глава IV «О разных изображениях на древних гробницах и памятниках». С длительным вступлением, предваряющим описание склепа и его росписей, эта глава опирается на «универсальные» рассуждения, вдохновленные трудами о древностях предшествующего века, видимо, чтобы избавиться от хлопот, связанных с малым количеством расписных погребальных памятников, известных автору. Ашик придерживается идеи поступательного наследия античных цивилизаций в процессе, обеспечивающем логически следующее превосходство христианства, историческое и моральное, над языческими сообществами³⁷. Древнеримская религия, таким образом, включала множественные элементы других культур, что может быть показано, по мнению Ашика, на примере царства Боспора Киммерийского, где была найдена надпись с именем царицы Комосарии, упоминающая восточные божества³⁸. В какой-то степени, совсем не казалось странным, что склеп 1842 года имел черты египетской религии, отраженные в росписи (Ашик не развивает эту мысль более подробно!). Древности, которые Ашик находит в археологическом музее в Перудже, также служат ему материалом для сравнения нескольких сцен, изображенных на стенах Керченского склепа. Так, рисунки, украшающие урны с прахом, и росписи этрусских склепов со сценами охоты, битвы, музыкальных представлений, находят отражение в настенных росписях керченского склепа. Похожие сравнения, какими бы разношерстными они ни казались, видимо, находят подтверждение в попытке обобщения в работе известного немецкого филолога Ф. Крейцера «Символика и мифология древних народов»³⁹.

Глава V «Описание катакомбы» и глава VI «Описание фресок». Эти две главы являются центральными в труде Ашика, так как они приводят основные комментарии и описание таблиц, описывая для одной из них размеры и архитектурные характеристики погребального памятника, для другой – состав и цвета декоративных росписей.

Глава VII «Изъяснения рисунков первой и второй комнат». Интерпретационная часть в работе Ашика свидетельствует об искреннем интересе автора к греко-римским древностям. Однако ее содержание является достаточно уязвимым к критике из-за присутствующего автору дилетантства, даже некоей наивности, касающихся вопросов эрудиции. Так, сравнения с современным миром на примере традиций Кавказа или приготовлений французской кухни могут привести читателя в смущение. Тем не менее, попытки Ашика определить, кем мог являться погребенный и его спутница, являют доказательство предпринятых усилий, направленных на понимание живописной композиции. Понятие «символ» появляется несколько раз (применимо к изображению элементов растительности), что показывает чувствительность автора к вопросам иконографии⁴⁰. Современная автору литература – а именно работы плодотворно пишущего Эннио Квирино

³⁷ Такое направление в видении древней истории, группирующей «великие цивилизации» средиземноморского бассейна, следует за каноническим трудом графа де Келюса.

³⁸ Санерг и Астарта, божества, которым царица посвящает группу статуй, что следует из надписи, сделанной на пьедестале, найденных на берегу Ахтанизовского лимана, на Таманском полуострове (КБН №1015).

³⁹ Переведенный на французский язык в 1821 году труд Крейцера «Symbolik und Mythologie der alten Volker, besonders der Griechen», выпущенный в Лейпциге/Дармштадт в 1810–1812 гг. [Creuzer 1810–1812], в свое время имел большое значение, а также вызвал множество противоречивых дискуссий.

⁴⁰ Но также приводят к непоследовательности. Так, Ашик интерпретирует круги, нарисованные на потолке как изображения луны и солнца, тогда как, несомненно, там изображены венки.

Висконти – как и древние тексты (часто упомянутые вразнобой), к которым обращается автор, служат ему опорой для рассуждений. Росписи из гробницы Назонов в Риме имеют важное значение, благодаря цветным репродукциям, опубликованным Дж. П. Беллори и П. С. Бартоли [Burlet 2007]. Ашик опирается на схожесть в изображении похищения Персефоны, находящемся в склепе 1842 года, и определяет дионисийские атрибуты в росписях этих двух подземных погребений.

Заключение. Вопреки ожиданиям, заключительная часть труда никак не связана с погребальным памятником, открытым в 1842 году! Антон Ашик приводит свой очерк о керченских древностях, который был доверен для публикации Ф. Жилю в рамках издательских работ в Санкт-Петербурге⁴¹. Далее он возвращается к надписи, упоминающей Комосарию, уникальному памятнику, который демонстрирует впервые, уточняет автор, титулатуру царей Боспора Киммерийского. Это последнее рассуждение приводит автора к рассмотрению этнического состава царства, а также позволяет наметить свои идеи об отношениях между синдско-меотскими племенами и властью правителя, который одновременно являлся главой эллинского государства.

Снятие копии росписей.

В своем труде, посвященном склепу 1842 года, Антон Ашик вновь подчеркивает значимость открытых им росписей. Он пишет, что незамедлительно произвел «настоящий *fac simile*» с помощью Стефанского, рисовальщика на службе Керченского музея⁴². Процесс копирования росписи длился три дня, что кажется слишком малым временем, учитывая объем и техническую сложность задачи. Несмотря на настойчивость Ашика, с которой он заявляет о скрупулезности выполнения «в самых мелких деталях», рисунки, сделанные в склепе, должны рассматриваться с долей недоверия: мог ли директор музея зафиксировать росписи с достаточной точностью в столь краткий отрезок времени, учитывая их значительное количество и относительную сложность. Были ли рисунки осуществлены в реальном масштабе, используя технику кальки – это ли подразумевается под термином «*fac simile*»? Насколько Стефанский был полностью вовлечен в выполнение данной работы?

Нам неизвестна изначально выбранная процедура копирования и ее результат, как и нет данных о том, была ли данная копия использована при выполнении цветных рисунков к описаниям фресок, опубликованных в издании 1845 года. Степень участия Стефанского также еще должна быть определена и количественно оценена. Тем не менее, именно Стефанскому М. И. Ростовцев приписывает авторство раскрашенных рисунков склепа, которые должны были послужить основой для Ашика при редактировании публикации [Ростовцев 1913–1914, 350]. Как оценить данное утверждение ученого? На самом деле в тексте упоминается репродукция росписи, осуществленная в легко переносимом формате. Антон Ашик заявляет, что показывал рисунки склепа многим археологам в Германии и Италии [Ашик 1845.2, 3]. Исходя из этих данных, нам, как и Ростовцеву, стало ясно, что репродукции изображений склепа 1842 года были взяты Аши-

⁴¹ Этот издательский проект был завершен в 1854 году с появлением в Санкт-Петербурге знаменитых «Древностей Боспора Киммерийского», в который, в конечном счете, не была включена рукопись Ашика.

⁴² Труд, появившийся в Одессе, «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками», (а именно глава I, стр. 1–4) повторяет слово в слово содержание статьи «Керченские катакомбы», вышедшей в Журнале Министерства внутренних дел.

ком в путешествие в Австрию и Италию, куда ученый отправился с целью научного обмена и ознакомления с наследием античности. Таким образом, кажется вероятным, что рисунки издания 1845 года были им представлены во время этого путешествия, и что они были сняты с того самого «*fac simile*», следы которого затерялись.

Со слов Ашика известно, что состояние росписи, описываемой им как «очень свежа и нигде не повреждена», очень быстро ухудшилось. На следующий день после открытия погребального комплекса были видны первые следы разрушения штукатурки и слоя живописи, что несомненно повлияло на процесс фиксации изображений, а также на качество репродукций [Ашик 1845.2, 4]. Цветовая палитра, которую составил Антон Ашик в момент открытия склепа (гамма, включающая белый, черный, красный, желтый, синий, зеленый и серый цвета) должна убедить в важности керченского погребального памятника, а также обоснованность предпринимаемых усилий.

Если М. И. Ростовцев сомневался в качестве рисунков, опубликованных Антоном Ашиком в 1845 году, не обращая никакого внимания на описания, которые он полагал недостоверными (Ашик не описывал склеп и его росписи на месте, а пользовался срисованными копиями), он все же относился с доверием к указаниям по цвету, сделанными директором музея. Он пытался также найти несколько цветных экземпляров данного труда для проверки качества и сходства в передаче цвета: «Копии Стефанского сделаны были в красках; во всяком случае, в ряде поступивших в продажу экземпляров (но далеко не во всех) таблицы раскрашены от руки, везде более или менее одинаково. По одному из таких раскрашенных экземпляров я и описываю гробницу и воспроизвожу отдельные сцены на таблицах.» [Ростовцев 1913–1914, 349].

Как могло произойти, что атлас таблиц в «Античной декоративной живописи на юге России» не содержал репродукции раскрашенных рисунков? Какова бы ни была причина, намеренная или вынужденная в силу ограничивающих обстоятельств (технических или финансовых), раскрашенные рисунки склепа, открытого Ашиком в 1842 году, оставались неизвестными научному сообществу до сегодняшнего дня. Мы нашли два экземпляра, хранящиеся в библиотеках известных российских музеев.

Цветные издания

Издание Российского этнографического музея.

Находка цветного издания труда Ашика в библиотеке Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге явилась результатом поисков, предложенных Вячеславом Шкорпиллом в письме от 1913 года, адресованном М. И. Ростовцеву, которое мы предлагаем ниже:

«Дорогой Михаил Иванович!

Посылаю корректуру. Недавно был здесь в Керчи Н. И. Репников и говорил, что у него имеется экземпляр с Ашика «О пантик. катакомбе, украшенной фресками», в котором рисунки раскрашены. По роскошному переплёту книги Р. можно судить, что этот экземпляр был предназначен для какого-то важного лица и что, м. б., был раскрашен Стефанским в самой катакомбе.»⁴³.

⁴³ См. Архив Российской Академии Наук, Санкт-петербургский филиал, Ф. 1054 (Ростовцев), оп. 1, ед. хр. 18 – письмо Шкорпила М. И. Ростовцеву.

Рис. 4. Портрет Николая Ивановича Репникова по фотографии 1907 г., хранящейся в Научном архиве Института истории материальной культуры (№ Q.455.62)

Полностью поглощенный написанием своего труда об античной декоративной живописи на юге России, Ростовцев, видимо, искал возможность получить цветное издание труда Ашика, которое было ему необходимо для редактирования соответствующей главы. Таким образом, мы можем сделать вывод, что ученый располагал необходимым материалом за несколько месяцев до сдачи рукописи в типографию. Действительно, он уточняет в своем труде, что держал в руках несколько раскрашенных изданий, на которые он опирался в своей главе с целью сверить цветовое соответствие [Ростовцев 1913–1914, 349].

Так кто же этот Репников, которого упоминает Вячеслав Шкорпил (рис. 4)? Археолог с многосторонними интересами, Николай Иванович Репников (1882–1940) прекрасно знал юг России, и в том числе Крым. Он многие годы исследовал эту местность, что позволило ему описать как археологическое наследие, так и обычаи и традиции местных народов. Он, среди прочего, известен тем, что открыл готский некрополь Суук-Су, а также принимал участие в раскопках некрополя в Ольвии

под руководством Бориса Фармаковского. Николай Репников уже обладал значительным опытом полевых исследований, когда он инициировал археологические раскопки палеовизантийской базилики у подножия горы Аю-Даг в Партените в 1907–1908 годах. Он был нанят в 1909 году отделом этнографии Русского музея, который впоследствии будет преобразован в Российский этнографический музей, для которого он участвует в раскопках Старой Ладого, затем Новгорода, выбрав изучение деревянного наследия Древней Руси, включая иконописную живопись и расписные ансамбли церквей [Бернштам, Бибииков 1941; Равдоникас 1948, Длужневская, Медведева, Платонова, Мусин 2009, 871].

В библиотеке Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, в «фонде Репникова», насчитывающем 450 единиц хранения, не имеется ни одного труда, опубликованного Ашиком. Однако насыщенный профессиональный путь Репникова, оправдывал попытку узнать о возможном существовании цветного экземпляра в другом месте. Потребовалось установить еще одну библиотеку, где могла бы находиться часть коллекции археолога, включающая желанный труд, о котором упоминал Шкорпил. Наша интуитивная догадка подтвердилась во время пребывания

в Санкт-Петербурге: действительно, «фонд Репникова» существует в библиотеке Российского этнографического музея! К тому же, данный фонд включал все публикации Антона Ашика, включая вырезки статей, вышедших в Журнале Министерства внутренних дел.

Среди этих произведений фигурирует цветной экземпляр «Керченских древностей» со стоящей на нем библиотечной печатью Русского музея Александра III⁴⁴! Несмотря на то, что издание не имело каких-либо пометок, позволяющих определить первоначального владельца, экземпляр из Российского этнографического музея, несомненно, предназначался высокопоставленной особе, может быть таинственному барону, которому было адресовано письмо, вложенной в первую часть «Воспорского царства». К тому же, собранные в одном месте вырезки из журналов и труды автора дают ощущение не только единства коллекции, но также тесных отношений между их владельцем и Антоном Ашиком, что подтверждает наличие частного письма, найденного в одной из книг⁴⁵.

Для воспроизведения в данной статье мы выбрали цветные таблицы из «Керченских древностей», находящиеся в библиотеке Российского этнографического музея.

Издание из Ярославского художественного музея.

По случаю столетия со дня рождения Виктора Владимировича Ашика, внука Антона Бальтазаровича, в трех городах России была впервые организована ретроспектива его коллекции искусства. В Санкт-Петербурге она проходила во Дворце Румянцева на Английской набережной, в течение нескольких недель зимою 2005–2006 года. Хотя и не включавший в себя никаких предметов древности, каталог выставки позволил нам найти одного из потомков Антона Ашика, оказавшегося, к тому же, увлеченным коллекционером, что предсказывало благоприятный поворот в направлении наших поисков цветных экземпляров «Керченских древностей»⁴⁶. Коллекция Виктора Владимировича, приобретенная частями Ярославским художественным музеем, хранилась и выставлялась в этом городе, входящим в Золотое кольцо России, в 300 км на северо-востоке от Москвы. Осенью 2018, спустя 12 лет, нам была предоставлена возможность изучить наследие семьи Ашиков.

Начиная с 1985 года Ярославский художественный музей приобретал коллекции, собранные двумя поколениями семьи Ашиков, чей последний представитель, Виктор Владимирович, заслуженный инженер и профессор Ленинградского Судостроительного Института, создал в своей трехкомнатной квартире что-то вроде «музея повседневной

⁴⁴ Его шрифт I. D. 226. Мы благодарим Валентину Владимировну Гавришину, научную сотрудницу Российского этнографического музея за любезно предоставленную помощь, а также Наталью Николаевну Прокофьеву, главного хранителя, за разрешение проводить поиски в музее.

⁴⁵ На данном этапе нашего исследования порядок приобретения трудов А. Б. Ашика, хранящихся в библиотеке музея, не совсем ясен. Мы предполагаем, что все они были приобретены Н. И. Репниковым, который после их передал, либо продал, этнографическому отделу Русского музея.

⁴⁶ После Москвы и Ярославля, выставка, посвященная в основном акварелям и рисункам из коллекции В. В. Ашика, проходила в ноябре 2005 и январе 2006 года в Санкт-Петербурге в нескольких залах дворца, построенного графом Румянцевым, филиале Музея Истории Санкт-Петербурга. Мы благодарны Ирине Владимировне Тункиной, директору Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии Наук, за идею посетить данную выставку. Каталог выставки, посвященный коллекциям Ярославского художественного музея, вышел в серии «Шедевры музейных коллекций», опубликованной Школой акварели Сергея Андрияки в Москве.

Рис. 5. Портрет-силуэт
Антон Бальтазарович Ашика.
Восточно-Крымский ИКМЗ (№ Ф.1849)

жизни русской аристократии конца XVIII – начала XX в.»⁴⁷. Неожиданное пополнение коллекции этим уникальным собранием, включающим в себя 8000 книг и предметов семейного архива, в одно мгновение удвоило запасники музея Ярославля.

К сожалению, мало что сохранилось в семейном архиве в память об Антоне Бальтазаровиче (несмотря на то, что там имеются документы, датируемые с 1799 по 1980 гг.): силуэтный портрет, подаренный в 1960 г. Виктором Владимировичем Историко-Культурному Музею Керчи (рис. 5) [Лазенкова 2003, 20, прим. 68]⁴⁸, а также фотопортрет его жены Анны Александровны⁴⁹. В основном, содержание семейного архива отражает жизненный путь Виктора Владимировича и его отца. Начинанию последнего мы обязаны появлением художественной коллекции, отражающей его многосторонние интересы. Известно, что Антон Бальтазарович заложил основу семейной коллекции, большую

часть которой он подарил возглавляемому им Керченскому музею. Его коллекция древних монет пополнила отдел нумизматики, а личные книги составили основу библиотеки недавно образованного музея. Библиотека, приобретенная музеем Ярославля, включала всего одну книгу, приобретенную Антоном Ашиком: альбом гравюр Федора Петровича Толстого, датируемый первой половиной XIX века⁵⁰.

Таким образом, в Ярославле не было оставлено никакого следа, по которому можно было бы найти книги, написанные и опубликованные Антоном Бальтазаровичем? В библиотеке его внука находился – счастливое открытие – экземпляр «Керченских древностей» в цветном варианте⁵¹. Однако, на нем не было указано ни надписи, ни имени владельца. Скорее всего, это не был личный экземпляр автора, и на нем отсутствовал эксlibрис. Дру-

⁴⁷ См. по этому поводу вступление Юрова Л.Л. и статью Коновалова Н.О. «Ашики – династия коллекционеров», а также свидетельства В.К. Корченова, связанного дружбой с В.В. Ашиком.

⁴⁸ Мы благодарны Наталье Владимировне Быковской, заместителю директора Историко-культурного музея-заповедника в г. Керчи за ценное сотрудничество.

⁴⁹ Фотография Анны Александровны Ашик, с дарственной надписью ее сыну Владимиру [Журова 2006, 120, №422] (= Научный архив Ярославского художественного музея, Ф. 50, оп. 1, Д. 222/47).

⁵⁰ Речь идет об альбоме гравюр, сопровождавших стихи И.Ф. Богдановича «Душенька», который был указан в музейной коллекции под инвентарным номером РГ-1999–2061.

⁵¹ Произведение под инвентарным номером Р 16083. Мы благодарим Татьяну Альбертовну Лебедеву, главного хранителя, а также Наталью Всеволодовну Смолину, библиотекаря, которые помогли нам ознакомиться с «Наследием Ашика», бережно хранящимся в музее Ярославля.

гое произведение авторства Антона Бальтазаровича «Воспорское царство» было приобретено у букиниста, как было указано на внутренней стороне обложки, с экслибрисом известного антикара (рис. 6)⁵². Василий Иванович Ключков (1861–1915) был владельцем очень ценного знатоками букинистического магазина в Санкт-Петербурге, где легко можно было встретить как известных антикваров, так и знаменитых писателей. Он регулярно публиковал каталоги, предназначавшиеся библиофилам, а также перепродавал библиотеки аристократов, к примеру, князя Семена Михайловича Воронцова (1823–1882), единственного потомка князя Михайловича Семеновича Воронцова по мужской линии, унаследовавшего одну из его библиотек. Данный экземпляр был, похоже, куплен у Ключкова Владимиром Антоновичем Ашиком, как, вероятно, указывает дата (1904), помеченная карандашом.

Владимир Антонович Ашик (1843–1917) продолжил дело своего отца, унаследовав страсть к коллекционированию книг, имеющих художественное значение, и монет. Но, видимо, он должен был начать собирать свою собственную коллекцию почти с нуля: вероятнее всего, личная библиотека Антона Бальтазаровича была распродана после его смерти, как и его научный и личный архивы. Его сын Владимир достаточно быстро начал накапливать гравюры, монеты и медали, приобрел множество редких книг и специализированных изданий, что ему позволяло положение финансового инспектора в администрации управления железных дорог. После его смерти коллекция перешла в руки его сына Николая, а затем к его младшему сыну Виктору Владимировичу (1905–1985). Последний увеличил нумизматическую коллекцию своего отца в два раза, реорганизовал библиотеку, в соответствии со своими вкусами и интересами – кроме произведений, посвященных русскому изобразительному искусству в период с XIX века по первую половину XX века, Виктор Владимирович также приобрел множество редких изданий. Однако «коллекция Ашика» в первую очередь известна своими многочисленными картинами и графическими произведениями, относящимися к XVIII – первой половине XIX века.

Рис. 6. Экслибрис букиниста Василия Ивановича Ключкова, Санкт-Петербург. Ярославский художественный музей

⁵² Данное произведение указано под инвентарным номером Р 28164; автором экслибриса является иллюстратор, график и акварелист Сергей Соломко.

От подсвечника к акварели

Качество акварельных рисунков.

М. И. Ростовцев верно подметил: лишь ограниченное количество экземпляров произведения имело раскрашенные таблицы. Такая обработка предполагает осторожную и требующую время работу с материалом, что значительно увеличивает как стоимость, так и художественную ценность произведения. По этой причине Ашик реализовал всего несколько цветных копий своего издания, предназначенных, несомненно, его покровителям, либо нескольким ученым и аристократам, чье внимание он хотел бы привлечь.

Два экземпляра «Керченских древностей», копии которых мы смогли заказать (экземпляр, находящийся в Санкт-Петербурге, был сфотографирован, а из Ярославля – отсканирован) по всем критериям имеют великолепную степень сохранности. И хотя цифровое копирование таблиц производилось без использования шкалы оценки цвета (инструмента, используемого профессионалами для сравнения оттенков и тональных значений репродукции и оригинала), нам кажется вполне убедительной степень качества обработки и устойчивости красок, использованных в таблицах, раскрашенных вручную.

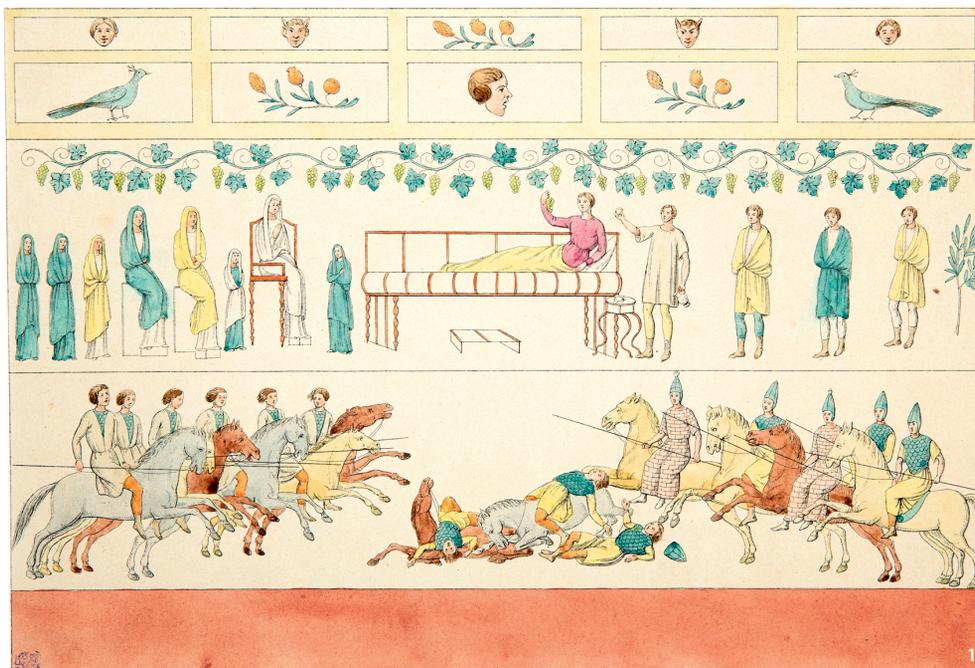
Воспроизведенная на целой странице для возможности сравнения (рис. 7), таблица IV в экземплярах из Санкт-Петербурга и Ярославля представляет собой стену первой комнаты склепа, на которой изображено погребальное ложе. На ней, можно предположить с большой долей уверенности, нарисован умерший, изображенный в положении лежа, одетый в ярко-красную тунику, с виноградной гроздью в руке. Сцена конной битвы, часто обсуждаемая в литературе, занимает место на выступающей части лежанки, тогда как кассеты, расположенные над линией виноградной лозы, вписаны в изгиб свода. Лишь в этих последних деталях глаз различает некоторую разницу в насыщенности красок: красный цвет фруктов и цветов, вписанных в кассеты, потускнел в Санкт-Петербургском экземпляре, и зеленый цвет виноградной лозы также выглядит менее насыщенным в сравнении с изданием из Ярославля.⁵³ Но если судить в целом, две таблицы идентичны, и акварельные оттенки воспроизведены схоже, подтверждая, несомненно, впечатления, описанные М. И. Ростовцевым.

Палитра и «цветовой круг».

Когда Антон Ашик проник внутрь склепа, он был поражен великолепием росписи и сохранившейся интенсивностью красок. Он записывает наличие белого, черного, красного, желтого, синего, зеленого и серого цветов на стенах обеих погребальных комнат. С целью проверить точность соответствия хроматической палитры в описании с раскрашенными акварелью таблицами в работе Ашика, мы выбрали три из них, которые нам кажутся особенно знаковыми с точки зрения сюжетного нарратива, разворачивающегося на стенах склепа (рис. 8). Все три воспроизводят росписи стен первой погребальной комнаты: первая – композицию, находящуюся у входа в склеп, на которой изображена знаменитая погребальная процессия *rompa funebris*; другая – непосредственно соседнюю роспись, помещенную на погребальную лежанку; и, наконец, третья, напротив умершего – сюжетную последовательность, разделенную на три части, рассказывающую миф о похищении Персефоны.

⁵³ Такое расхождение, для нас относительно менее важное, может быть объяснено настройками используемых для воспроизведения материала фотоаппарата и сканнера.

Т. IV

Т. IV

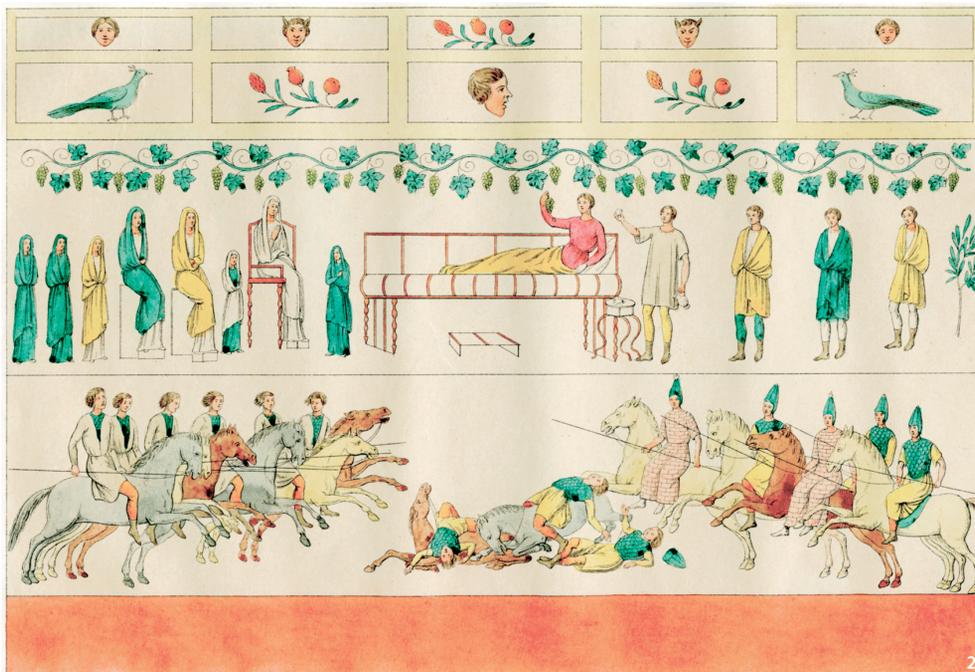
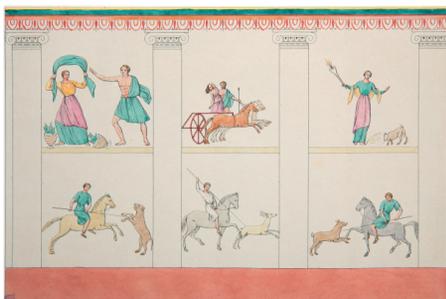
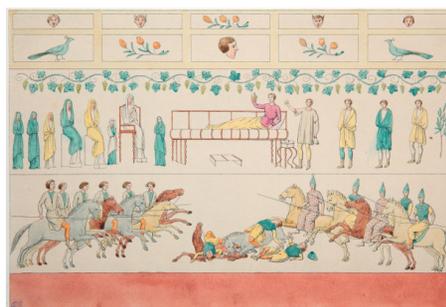

Рис. 7. Изображение таблицы IV [Ашик А. Б. 1845.2].
Сверху – цветное издание из Санкт-Петербурга; снизу – цветное издание из Ярославля. Компьютерная графика Д. Глозер

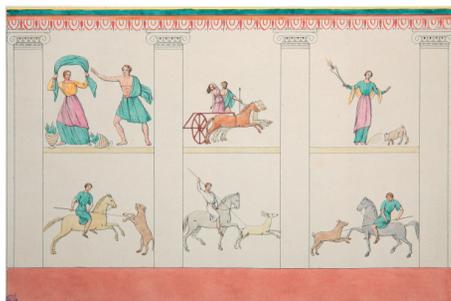
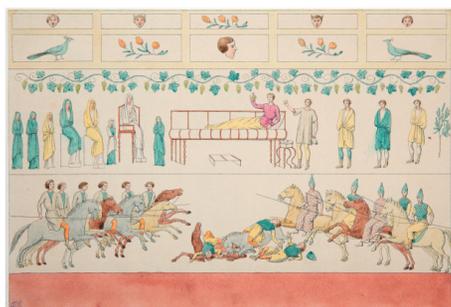

Рис. 8. Три цветные таблицы из Санкт-Петербургского издания (III, IV и V) и подборка соответствующих цветов. Компьютерная графика Д. Глозер

По нашей просьбе, художник-график произвел выборку используемых оттенков цветов в акварельных рисунках, приложив цветовой круг напротив каждой выбранной таблицы⁵⁴. Результаты данного цветового сравнения не должны рассматриваться буквально: это позволяет, в первую очередь, иметь в распоряжении визуальное средство, помогающее оценить цветовую амплитуду, используемую при раскрашивании, и проверить соответствие словам Ашика. Более того, в описании таблиц содержатся указания на цвета, которые предполагают использование смешанных пигментов, например оранжевая туника служанки (на таблице VI), розовый пеплум женщины (там же), а также сиреневые одежды другого женского персонажа (на таблице XI). Цветовое поле палитры, заявленной в начале труда Ашика, расширяется в ходе его описания. Также в ходе анализа при помощи цветового круга мы замечаем, если не принимать во внимание белый цвет, включенный Ашиком, цветовая гамма расписанных стен значительно превышает описанные 6 цветов: в первой таблице мы можем определить 9, а для двух других даже 11 цветов.

Что мы можем извлечь из этих первичных наблюдений? Какими бы предварительными и относительными ни показались данные, эта информация открывает перспективу для уточнения и последующего сравнения с другими дошедшими до нас в хорошем состоянии сохранными боспорскими склепами римской эпохи (в первую очередь мы вспоминаем анализ пигментов, проведенный в склепе 1891). Цветные копии рисунков из других склепов, открытых в Керчи, хранящиеся в архивах, также могут предоставить значительный материал для изучения, обогатив цветовую гамму, что позволит нам, сопоставив этот новый ряд данных с результатами физико-химического анализа, говорить о предпочтениях эпохи, использовании и происхождении пигментов.

Проблема освещения в склепе и вопрос восприятия цветов.

Проникнув в склеп через колодец, Антон Ашик и его рисовальщик должны были, несомненно, озаботиться необходимым освещением подземного пространства. Рискую сделать очевидное замечание, отметим, что, скорее всего, настенная живопись предстала глазам исследователей в свете свечей, ограничивая, тем самым, как время пребывания в склепе, так и возможность различать цветовые оттенки. Качество рисунков росписей из второй погребальной комнаты, выдает имеющиеся сложности данного порядка: известно, что в ночном пространстве глазу необходимо время для адаптации и восприятие цветов не идентично в условиях дневного света.

Также и росписи нижнего регистра этой комнаты могут ввести исследователя в заблуждение: на трех из четырех стен этой комнаты цвета кругов и ромбов, окрашенных то красным, то сосново-зеленым (ближе к голубому), описываются Ашиком как сочетание «зеленого и розового» и «красного и зеленого», напоминая, несомненно, *opus sectile*, имитирующий порфир [Ашик 1845.2, 24–26]. Эти результаты влияют на попытку установления хронологии, так как начиная с царствования Траяна использование порфира приобретает символическое значение и становится отличительным материалом императоров [Mulliez 2014, 101]. Наше внимание, тем не менее, привлекает отсутствие рамок, квадратных для вписанных кругов и круглых для квадратов. Этот декоративный

⁵⁴ Эти круги мы назовем более точно «цветовым диском». Мы благодарим Давида Глозера, художника-графика, за его ценный вклад в данную публикацию.

мотив часто использовался в боспорских захоронениях – речь идет, например, о «склепе Фельдштейна», склепе 1884 года, склепе 1872 года (Стасовском) и других.

Может ли это быть ошибкой в интерпретации мотива или невнимательностью рисовальщика? Либо результатом плохого состояния расписной штукатурки? Вероятнее всего, нижний уровень боковой стены, напротив которой может быть был помещен деревянный саркофаг, претерпел разрушающее влияние при разложении органической материи, находящейся в непосредственной близости. Однако предположение о недостаточности (или неудовлетворительности) освещения этой части стены не должно отклоняться – Ашик и Стефанский прежде всего фокусировали свое внимание на сюжетные живописные композиции, и гораздо меньше были заняты декоративными мотивами. Плохое освещение, а также вынужденная скорость выполнения рисунков, могли стать причиной опущения деталей (хотя и немаловажных) расписного декора.

Недавняя публикация рисунков К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса, хранящихся в научном архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, предлагает множество живописных видов археологических раскопок, которые проводились в течение 1850–1880 годов [Виноградов 2017]. Там мы находим рисунки, изображающие рабочих керченского музея, занятых работами внутри погребального памятника, а также директора, занятого занесением заметок в тетрадь. Также на многих рисунках люди держат в руках свечи, поддерживая хрупкое существование среди давящего мрака, как описывал с некоторой торжественностью Ашик [Ашик 1845.2, 3]. В качестве примера приведем таблицы 86 и 87 из труда Ю. А. Виноградова, сопровождающие отчет Александра Ефимовича Люценко, директора керченского музея, который он отправил в Императорскую археологическую комиссию в Санкт-Петербург. Художник Ф. И. Гросс изобразил на них своего коллегу Люценко, посещающим христианскую усыпальницу, выкопанную на северном склоне горы Митридат в Керчи. Повсеместно, в 1862 году, подсвечник являлся неизменным спутником археолога, единственным источником света⁵⁵.

Заключение.

Как мы видим, документация, хранящаяся в архивах, представляет собой ни с чем не сравнимый объем информации, необходимой для восстановления ныне исчезнувших греко-римских памятников древности. На наш взгляд пример склепа 1842 года, открытого Антоном Ашиком, показателен для Керчи и боспорской археологии в целом: благодаря внимательному исследованию и наличию достоверной документальной базы, позволившей сверить имеющиеся данные, археологические открытия XIX века, считающиеся потерянными для науки, раскрывают новую информацию и приближают нас к большему пониманию эпохи зарождения археологии как науки. Любитель «любопытных» греко-римских древностей и поставщик «сокровищ», запрашиваемых царским Эрмитажем, Антон Ашик делает первые шаги как археолог в поисках систематизированного подхода, в попытках обозначить методы научного исследования и документирования изысканий, а также в стремлении к обсуждению с коллегами результатов для более глубокого их понимания.

⁵⁵ На других таблицах этого произведения показаны идентичные сцены: рабочий в погребальной комнате в Мелек-Чесменском кургане (Таб. 3, стр. 40 – рисунок Бегичева), или также открытие рисунков в кургане Большая Близница (Таб. 47 и 48, стр. 84 и след – рисунки Гросса).

Поиски в музейных коллекциях Санкт-Петербурга и Ярославля увенчались успехом: цветные издания труда Ашика приносят новые элементы в изучение античной декоративной живописи, а также возрождают интерес к исследованиям, отмеченным трудом М. И. Ростовцева 1914 года. Новые исследования должны касаться критики рассматриваемой публикации современниками – особенно, вызывает интерес то, как она была принята в Санкт-Петербурге. Важно также приступить к более серьезному анализу декоративных росписей, затронутых в данной статье. Нет сомнений, что склеп 1842 года раскроет еще немало секретов и обогатит нас новыми знаниями...

Список литературы

- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1872 год, 1875, 255 прим. 3
 Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1878 и 1879 годы, 1881, XVI.
 Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882 по 1888 г. годы, 1893, IX и след.
- Ашик А. Б. 1845.1. Керченские катакомбы // Журнал Министерства внутренних Дел. Ч. X. СПб., 400–408.
- Ашик А. Б. 1845. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 76.
- Ашик А. Б. 1848 (1849). Восторское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, Т. II. 98; Т. III. 96.
- Бернштам А. Н., Бибииков С. Н. 1941. Н. И. Репников (1882–1940). Некролог // КСИИМК. М.-Л., 121–123.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун // БИ. Supplementum. Симферополь-Керчь, 184.
- Виноградов Ю. А. 2010. Курган Куль-Оба // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I, СПб., 420–425.
- Виноградов Ю. А. 2010. Золотой курган (Алтын-Оба) // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I, СПб., 471–476.
- Виноградов Ю. А. 2017. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса // БИ. Supplementum 17. Симферополь-Керчь, 312.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 350.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография // БИ. Supplementum 9. Симферополь – Керчь, 288.

- Виноградов Ю. А., Медведева М. 2019. Из истории создания «Декоративной живописи на юге России» М. И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии. СПб., 9–30.
- Гайдукевич В. Ф. 1981. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием // Боспорские города. Л-д, 6–54.
- Горончаровский В. А. 2003. Между империей и варварами: военное дело Боспора Римского времени. СПб. – М., 224.
- Грач Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. СПб., 328.
- Длужневская Г. В., Медведева М. В., Платонова Н. И., Мусин А. Е. 2009. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 813–908.
- Жиль Ф. 1854. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее в Эрмитаже. СПб.,
- Журова Л. Л. 2006. Семейное призвание. Коллекции Ашиков. Ярославль, 5–13.
- Кёне Б. В. 1847. Рецензия на сочинения Г. Ашика: Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845 // Финский вестник за июнь 1847 г., 26–31.
- Кёне Б. В. 1849. Отчет о сочинении г. Ашика, под заглавием Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845 // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. I, 89–96.
- Коновалова Н. О. 2002. Ашики – династия коллекционеров // Наше наследие. 61, 129–135.
- Корченков В. К. Славная династия дворян Ашиков и Одесса. Доступно по ссылке <https://www.odessitclub.org/index.php/chitalnyi-zal/2059-slavnaya-dinastiya-dvoryan-ashikov-i-odessa>.
- Кулаковский Ю. А. 1896. Две керченские катакомбы с фресками // МАР 19. СПб., 67.
- Лазенкова Л. М. 2003. Керченский музей древностей. Основатели-исследователи. Керчь, 19.
- Масленников А. А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 108.
- Матвеев А. А. 1884. К вопросам об археологических исследованиях в Южной России. Одесса, Т. III, 39.
- Нефёдкин А. К. 2004. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб – М., 192.
- Равдоникас В. И. 1948. Памяти Н. И. Репникова // Старая Ладога. Ленинград, 6–10.
- Ростовцев М. И. 1913–1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 537.
- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середины XIX в.). СПб., 676.
- Шевелёв Е. П. 1848. Боспорское царство // ЗООИД. II. Одесса, 725–738.
- Barbet A. (dir.) 2004. Rostovtseff, Mikhaïl, La peinture décorative antique en Russie méridionale (Saint-Pétersbourg, 1913–1914). Пер. Arlette Fraysse и Andrea Rychtecky, 2 vols, Paris, 350.
- Burgunder P. 2003. Des lumières de la tombe d’Ašik // Lychnological Acts I., Genève-Nyon, 45–50.
- Burgunder P. 2019. Ombres et lumières du tombeau peint découvert par A. B. Ašik // Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain. Lausanne, 181–241.

- Burlot D. 2007. Peintures romaines antiques et faussaires. Sources et techniques, thèse, Université Paris-Sorbonne – Paris IV, (доступны по ссылке: <<https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00778669>>).
- Creuzer F. 1810–1812. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig-Darmstadt.
- Guimier-Sorbets A.-M., Pelle A., Seif el-Din M. 2015. Renaître avec Osiris et Perséphone, Alexandrie, 126.
- Heurgon J. 1973. La découverte des Étrusques au début du XIXe siècle // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 117/4, 591–600.
- Köhne, B. de. 1847. A. Ašik, Antiquités de Kertsch: catacombe de Panticapée avec des fresques peintes // Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de Saint-Petersbourg. I, 201–207.
- Lebedynsky, I. 2002. *Les Sarmates*, Paris, 165.
- Mielczarek M. 1993. Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the ancient world. Łódź, 141.
- Mielczarek M. 1999. The army of the Bosphoran kingdom. Łódź,
- Mulliez M. 2014. Le luxe de l'imitation. Les trompe-l'œil de la fin de la République romaine, mémoire des artisans de la couleur. Naples, 101.
- Rochette R. 1837. Tableau des catacombes de Rome. Paris.

Summary

Dr Pascal Burgunder

The « Lost » Ashik's tomb. The history of its exploration and archive discoveries

The painted tomb brought to light by Ashik at Kerch is considered to be lost nowadays. However, its discovery in 1842 had proved to be a true sensation when the splendor of the frescoes in excellent state of preservation became evident to the archaeologist and his draftsman. Within three days they had been copying the frescoes which had afterwards been used as an illustrative material for the publication dedicated to this painted tomb. Several copies of the publication, intended for important persons, included hand-colored drawings of paintings. Patient search allowed us to discover two colored versions of this publication stored today in well-known Russian museums. Our findings, presented for the first time, propose to look anew at this unique funeral monument.